

Вольтер

Вольтеровы мысли

Франсуа-Мари Аруэ Вольтер

Вольтеровы мысли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23129904

Аннотация

«Надобно стараться только о том, что бы жить с самим собою и с друзьями, а не искать химерического бытия в уме прочих людей. Счастье и несчастье имеют действительное существование; но слава есть сон...»

Вольтеровы мысли

Надобно стараться только о том, что бы жить с самим собою и с друзьями, а не искать химерического бытия в уме прочих людей. Счастье и несчастье имеют действительное существование; но слава есть сон.

Дни слишком коротки; надлежало бы их удвоить для ученых людей.

По-моему мнению не было, нет и не будет в свете ни одного человека, которой бы заслуживал, чтобы об нем написать два тома в четвертку. Не все то, что сделано, достойно было написано.

От людей, предводительствовавших армиями, осталось одно только имя. Сто сражений не приносят ни малейшей пользы роду человеческому. Я думаю, что великие люди должны идти вперед, а Герои позади. Великими людьми называю я всех тех, которые превосходили в полезном, или приятном. Опустошители областей суть только Герои.

Всякой человек, хотя малоизвестный публике, может быть уверен, что его оклеветают. Вот преимущество, которым я давно уже пользуюсь!

Споры между учеными людьми служат только к тому, чтобы глупцы над ними смеялись, и еще к бесчестью талантов, которые надлежало бы сколько можно сделать достойными уважения.

Кто хочет написать что-нибудь хорошо, тому не надобно

спешить. Воображение упрямится, когда станешь его слишком принуждать.

Как люди несправедливые они наказывают как злодея того человека, которой хотел угодить им, но не успел в том.

Многочисленность законов в государстве означает то же самое, что и многочисленность врачей; болезнь и слабость.

Люди, одаренные сильным воображением, говорят с деспотической властью; невежды и слабоумные слушают их с рабским удивлением – умные исследывают их речи.

Люди ошибаются; великие люди признаются в своих ошибках.

Как легко и скоро делается зло, а добро как медленно.

Клевета всегда оставляет по себе рубцы, есть ли не раздавишь скорпиона на ране, им сделанной.

Хорошие стихи суть только те, которые можно без скуки перечитывать, и которые невольно остаются в памяти.

Ленивцы суть всегда посредственные люди, в каком-бы роде ни было.

Я люблю Литературу для нее самой. Она всегда будет мне мила, не смотря на врагов, которых я от нее себе нажил. Но неужели должно перестать любить вкусные плоды за то, что змеи хотели излить на них яд свой?

Бесславие и порочность столь многих ученых людей ни мало не мешают мне любить Литературу. Я подобен истинно-набожным людям, которые любят Религию, не взирая на злодеяния лицемеров.

Осторожность очень хороша; но в Поэзии отменно скучна. Благоразумный Стихотворец необходимо должен быть холоден. – Это не делает чести рассудку.

До сего времени писали у нас историю одних только Королей, а о народе молчали. Кажется, что в течение 1400 лет во Франции не было никого, кроме Королей, Министров и Генералов; но не уже ли наши нравы, законы, обычаи, ум, ничего не значат?

Богатырское тело и Сократова душа, вот что надобно, чтобы быть счастливым!

Думать, ничего нам не стоит, но как трудно писать!

Чем злобнее люди, тем драгоценнее добродетель; а дружба казалась мне всегда главною добродетелью, потому что она составляет главное наше утешение.

Кто долго говорит, тот без сомнения говорит много лишнего. Я не знаю ни одной Ораторской речи, которая бы не могла быть короче; нет ни одной трагедии без пустого набора слов; ни одной Оды без лишних строф. Но когда где хорошего больше, нежели дурнова, но должно быть довольным.

Проклятые пауки! долго ли вам терзать друг друга, вместо того, чтобы делать шелк?

Какой человек может похвалишься, чтобы он делал то, что хочет?

В одной только Франции зимою бывает холодно (разумеется в домах) Добрые французы в Июне месяце забывают,

что будет Декабрь¹.

Не должно сердиться на тех, которые не могут вредить.

«Вестник Европы», № 2, 1804.

Во всех вещах мира сего почти одна только пустота; но в учении оной меньше, и потому-то оно составляет великое утешение, питая душу до последней минуты.

Очень трудно угодить Публике. Есть однако же тайна понравиться ей при жизни: для сего должно, чтобы человек был во всем совершенно несчастлив.

Мы всегда говорим, видя чью-нибудь преждевременную смерть, что жизнь есть сон, что люди ничто иное, как скоропреходящие тени, что нельзя ручаться ни за один миг. Это все правда; но через минуту после сих рассуждений начинает действовать и делать прожекты, как бессмертные.

Утверждаю, что женщины имеют более мужчин твердости духа.

Я коротко знаю Публику. Энтузиазм проходит; одна только истинная дружба остается. Сего дня осыпают вас похвалами и рукоплесканиями, завтра не глядят, а после-завтра станут бросать в вас камнями.

Та же самая Публика, которая сего дня дает вам лавровые венки, завтра станет давать пощечины.

Счастье, находимое в домашней жизни, есть самое проч-

---

¹ Известно, что во Франции нет печей, по крайней мере таких, как у нас; хотя там зимние морозы, особливо в северных провинциях, бывают довольно жестоки.

ное и сладчайшее.

Есть люди, при которых не осмелишься назвать себя несчастным.

Я имел время заметить в свой век, что все то, что говорится и делается в свете, не стоит труда выходить из дому. – Болезнь доставляет нам большую выгоду: она избавляет нас от обществ.

Все дела продолжительны. – Всякое зло прилетает птицею, а возвращается черепахою. Терпеть довольно скучно; жить с друзьями и не вмешиваться в чужие дела было бы очень приятно, но по несчастью светской вихрь влечет с собою человека, как сильной ветер легкую соломинку.

Мы так слабы, что почти ничего нет в нашей власти. Прикажите цветам распускаться и хлебу поспевать; они вам скажут; подожди! это зависит от земли и от солнца.

Я не смею более жаловаться на частые свои болезненные припадки, со времени Лиссабонского землетрясения. Человеку не дозволено думать о себе при толь общем бедствии.

Спокойствие есть прекрасная вещь: конечно так; но скука ему близкая родственница.

Право людское сделалось ныне химерою, но право сильнейшего, по несчастью, не химера!

Все рассуждения ученых не стоят одного женского чувства.

Одни только чувствительные сердца и философические умы отдают справедливость истинным талантам.

Я почти всегда бываю дома, и это очень для меня выгодно. Я пользуюсь всеми своими минутами; а жизнь так коротка, что жаль потерять из нее четверть часа.

Нет ничего безрассуднее, как желать ослепить умы, которые хотя однажды видели свет.

На сем свете есть примеры всему.

Довольно легко помешать рождению разума; но когда уже он родится, то не во власти человеческой состоят умертвить его.

Не стоит труда быть подражателем; должно молчать, когда не найдешь сказать ничего нового. (*Сие разумеется об Авторах.*)

Не надобно докучать пустяками людям, отправляющим важные Государственные должности. В Китае секут розгами тех, которые пишут к Министрам длинные и вздорные письма.

Злоупотребления по несчастью необходимы в здешнем свете.

Великая Екатерина пишет ко мне следующее: *горе притеснителям и гонителям! они достойны быть наряду с фуриями.* Но рассудок говорить, а фанатизм ревет.

Всякая сатира влечет за собою другую, и часто рождает непримиримые вражды Я не знаю ни одной сатиры, которая осталась-бы без ответа. Родственники, друзья принимают участие в сих ссорах. Это яд Литературы. Есть ли бы Природа не одарила меня двумя превосходными *противоядны-*

ми средствами, то есть, трудолюбием и веселонравием – *я*
давно бы уже умер от отчаяния.

«Вестник Европы», № 3, 1804.